

«Рифмокрад (*один*). Сочинять стихи, а особенно трагедии, есть вещь довольно трудная. Для нее оставил я попечение о доме и жене, о детях и, кажется, с помощью Расина и прочих пишу не хуже других. Но, к несчастью, живу в такой век, когда французский язык сделался у нас употребителен, и всякий стих... (*Слуга вносит книгу*). Но вот и трагедии. Подай сюда... поди вон — (*Слуга выходит*). Вот отселе один стих, дай замечу. (*Развернув другую*). Отселе можно шесть... эти два стиха очень хороши. Ах! этот стих из „Аделаиды“: он делает украшение не только монологу, но и всей трагедии. Я им заключу... ну, кажется, он будет изряден. Хотя я наружно скромнен, но внутренне надобно отдать себе справедливость, что я великий автор. Вить вот и один монолог трудно набрать: каково же целую-то трагедию! ей-ей очень мудрено!»²⁹

Нет сомнений, что это очень пристрастная и чрезмерно утрированная картина. Но не менее очевидно, что именно так и воспринималась «переимчивость» в литературном сообществе. «Кражи» и «похищения» Княжнина, по Крылову, являются не подражаниями, а тривиальным плагиатом, т. е. он обличает его не в подражании *res*, а в похищении *verba*. В анонимно опубликованной статье «Покаяние, сочинителя Крадуна» Крылов развил эту идею и представил исповедь плагиатора, в котором можно угадать Княжнина, цинично признающего в краже всех своих сочинений.³⁰ Завершало исповедь признание: «Я должен сказать, хотя против моей воли, что и в сем покаянии нет ни одного моего слова, а все выкраденное».³¹

Таким образом, можно полагать, что к концу столетия в литературной среде выработалось мнение, согласно которому подражание вполне допустимо и даже необходимо как определенный этап становления национальной литературы,³² тогда как «похищение» или «кража» чужих слов и оборотов, пусть даже и в переводе на русский язык, недопустимы и подлежат осуждению. Впрочем, в эпоху предромантизма в литературе все настойчивее звучит призыв к оригинальному в творчестве, который в контексте

---

²⁹ Крылов И. А. Полн. собр. драматических соч. СПб., 2001. С. 212.

³⁰ См.: Зритель. 1792. Ч. 2, май. С. 64—84; Крылов И. А. Полн. собр. соч. М., 1945. Т. 1. С. 428—436. См. также некоторые материалы в «Почте духов». (Там же. С. 80, 170—174).

³¹ Зритель. 1792. Ч. 2, май. С. 83.

³² См., например: «Путь образования или просвещения один для народов; все они идут им в след друг за другом. Иностранцы были умнее русских: и так надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано? {...} Какой народ не перенимал у другого?» (*Карамзин Н. М. Письма русского путешественника*. Л., 1984. С. 253).